

РОДНИК НЕЗАМУТНЕННОГО СЛОВА

На фоне современной русской литературы, обрушившей на читателя поток примитивной мысли и еще более примитивного языка (я уж не говорю об откровенной цензурщине, перешедшей в ранг нормативной лексики), увидеть незамутненные строки добротной прозы и поэзии — почти что чудо. Вглядываешься в имя автора — и со стыдом признаешься, что тебе оно ни о чем не говорит. Но стыд, однако, быстро проходит: даже маститые литературоведы вряд ли могут похвастать тем, что знакомы с творчеством Перикла Ставрова. А между тем...

А между тем:

Уже запутавшись в сетях,
Очередными перебегаю,
На запрокинутых огнях
Река плывет, как неживая.

Ей, сквозь туман,
как легкий бред,
Ей, сквозь вуаль недоумения,
Наутро, в пять,
чуть брезжит свет,
Уже шептать про наводнения.

Ей просыпаться, скажем, в пять,
Сквозь блеск и всхлип
перемогаюсь,
Ей про ненастье бормотать,
Свинцовым холодом вздуваясь.

Ей, спотыкаясь о мосты,
Под блеск ночных недоумений
Переворачивать листы
Несовершенных преступлений.

На черных сваях, наспех, вплавь,
Без оправданий, без допросов,
Пока пугающая явь
Не встанет призраком белесым.

Какая, однако, чистота языка, сила поэтического образа, глубина настроения. Кажется, вовсе не автор, а именно ты стоишь на берегу этой реки ранним туманным утром и именно тебе нашептывает она свои тайны, делится своим недоумением...

Такое впечатление, что строки эти — не из нашего, а из давно ушедшего времени: столько в них непривычного для конца двадцатого — начала двадцать первого веков лиризма, душевности. Впечатление, впрочем, не обманывает. Перикл Ставров, хотя и принадлежит к великой школе русской поэзии, стихи эти написал не сегодня и даже не вчера. А — несколько десятилетий назад.

Вернул нам практически забытого поэта Всемирный клуб одесситов, который, собирая по всему миру где крохи, а где и целые пласты одесской культуры прошлого, издал в своем родном городе сборник стихов и прозы Перикла Ставрова.

Издал, конечно, не случайно: Ставров был коренным одесситом, здесь он родился (в 1895 году), окончил гимназию, в 1918 году, еще до прихода большевиков, успел окончить юридический факультет Новороссийского университета. А через восемь лет, пресытившись правлением новой власти (можно себе представить, как ее воспринимала нежная поэтическая душа, знающая к тому же толк в юридическом деле), покинул и Одессу, и весь "советский берег".

Бегство это, хотя и было официально оформлено, далось ему нелегко. Граница была на замке, и только наличие греческого паспорта позволило Периклу Ставрову получить, наконец, разрешение на отъезд вместе с женой Машей.

Греческий паспорт — не фикция, и об этом говорит также имя поэта, названного в честь древнего греческого стратега-преобразователя. Греки поселились на берегах Черного моря еще до нашей эры, а в Одессе греческие названия, имена и фамилии звучат такими же своими, как все остальные. Естественно, в кругу своих Ставров именовал себя более простым и привычным — Петр, но и сама фамилия оказалась литературным псевдонимом: настоящее имя поэта — Перикл

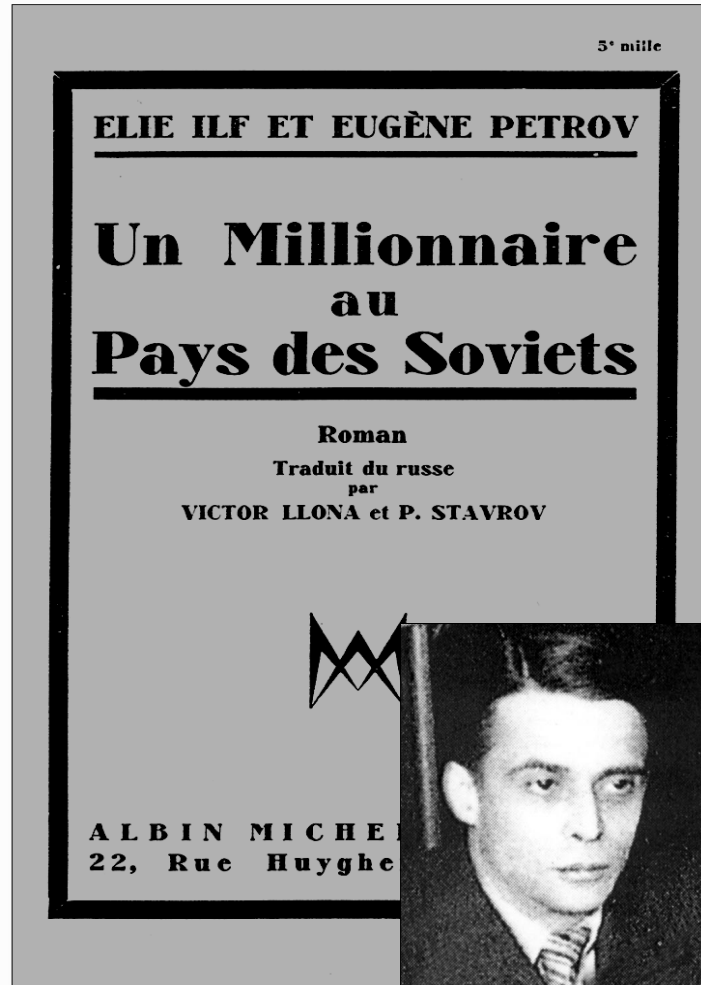
Ставрупо — полностью отражало греческое происхождение.

То, что Перикл Ставров принадлежал русской культуре, не было, разумеется, явлением необычным. Русские Валентин Катаев и Евгений Петров, еврей Исаак Бабель и Эдуард Багрицкий, украинцы Владимир Сосюра и Иван Микитенко, поляк Юрий Олеша и грузин Георгий Цагарели — все эти поэты, прозаики, публицисты составляли костяк южнорусской литературной школы, и в нее по праву входил Перикл Ставров.

П. Ставров писал по-русски, переводил с русского на греческий, а затем, в годы эмиграции, на фран-

цузский. Правда, в самой Одессе публиковался крайне редко и жил в основном на гонорары за скетчи для театра.

Свободолюбивая греческая кровь, видимо, дала о себе знать в первые годы новой власти. Перикл не захотел по примеру многих коллег по литературному цеху остаться советским писателем и уехал в родную Грецию, в Афины. Но там, как он сам признавался, все считали его с женой русскими, и это было правдой: он чувствовал себя хорошо только среди русских эмигрантов. Потому и уехал в Париж, где обосновалась большая русская эмигрантская колония.

Обложка первого издания перевода В. Ллона и П. Ставрова книги "Золотой теленок" на французский язык

Перикл Ставров, 1934 г.

час и совсем неизвестные страницы жизни людей, с которыми был знаком лично. Но самое главное, конечно, — поэтическое наследие, эти дышащие жизнью, энергией и прекрасным русским языком стихи.

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Уже дыханье ветра — лед,
И синева в сухих морщинах,
И снасти — только перелет
Над неразвергшейся пучиной.

И бурной ночи перерыв,
Уже как дрожь воспомяненья,
И флаг на мачте — вечный взрыв
Несомкнутого отчаяния.
А небо — голубым огнем
На неживой пергаменте кожи...
Какой волны крутой подъем
В последний раз ему поможет?

"Подъем волны", вернувший поэзию Перикла Ставрова потомкам, оказался, действительно, крутым и неожиданно удачным. В предисловии к книге одесский журналист Евгений Голубовский пишет, что за это возвращение мы должны быть благодарны, прежде всего, Александру Ильичичу Ильфу, дочери известного писателя. Все эти десятилетия у нее хранился первый парижский сборник Пыры (так называли Перикла в кругу друзей), который тот подарил Ильфу во время их встречи в Париже в 1934 году. На этой книге есть и дарственная надпись автора.

Увидев этот сборник, Голубовский загорелся идеей отыскать все

публикации Ставрова, но в Одессе никаких следов творчества поэта не осталось. И тогда он обратился за помощью к своему другу и коллеге, живущему во Франции, Виталию Амурскому, сотруднику русской редакции Международного французского радио и ведущему известной передачи "Литературный перекресток".

Виталий — и мой добрый знакомый. Он не только переслал мне свежешедший сборник Перикла Ставрова (составителем которого стал наряду с Евгением Голубовским), но и рассказал об интересных поисках, предпринятых с целью возвращения литературного наследия поэта на родину.

— Второй сборник Ставрова — "Ночью" — я нашел довольно просто. Обратился в парижскую русскую библиотеку имени Тургенева и обнаружил его в разделе редких изданий. Однако снять копию оказалось проблемой: копировальной машины в библиотеке нет, выносить книги из "редкого" отдела нельзя. Выручила исключительно доверительное отношение ко мне, как к старому посетителю библиотеки, со стороны главного библиотекаря Татьяны Гладковой. Знаток эмигрантских изданий, давно и серьезно занимающаяся историей русских книг и периодики за рубежом, она, узнав о цели моего визита, разрешила мне в порядке исключения взять сборник Ставрова для копирования.

В этой же библиотеке мне удалось найти в старых периодических изданиях с десяток публикаций Ставрова. Меня интересовали и подробности личной жизни поэта, ведь о парижском периоде почти ничего не было известно. Зная, что Перикл скончался в феврале 1955 года, я решил найти сведения о нем в эмигрантских газетах того времени. Но в библиотеке Института славяноведения, где совсем недавно хранилось довольно большое количество этих газет, теперь осталось лишь немногое. Основной газетный фонд передан в Нантер, в Библиотеку современной международной документации. Здесь я и нашел нью-йоркскую газету "Новое русское слово" за февраль 1955 года, в которой была опубликована статья Юрия Терапиано "Памяти П.С. Ставрова". В ней автор подробно рассказывает о жизненном пути поэта.

Но в библиотеке Нантера меня ждали еще более впечатляющие находки. Листая русско-американскую периодическую того времени, я обнаружил в ней целый ряд рассказов и воспоминаний Ставрова.

Признаюсь, не только читать, но и перелистывать пожелтевшие страницы старых газет было непросто делом. Несмотря на замечательную систему хранения, годы берут свое, и газеты настолько хрупки, что боишься даже дышать на них. Но какое удовольствие я получил, погружаясь в давние строки!

Уверен, что найденное мной — далеко не все наследие поэта. Но времени для более глубоких поисков, к сожалению, очень мало. Однако и то, что вышло сегодня в Одессе, представляет самое полное, лучшее собрание его стихов. Для этого издания мне удалось найти оригинал фотографии, на которой запечатлены авторы и сотрудники издававшегося в Париже русского журнала "Числа" — ее мне предоставил один из серьезных знатоков русской эмиграции, французский историк Андрей Корляков. На этой фотографии запечатлен и Перикл Ставров.

— В присланной Вами книге опубликованы воспоминания поэта о хорошо знакомых нам людях — Багрицком, Бердяеве... Каковы вообще были духовные связи Ставрова? Знаем мы что-либо о его окружении?

— Знаем, и очень хорошо. Ставров упоминается в "Дневниках" Зинаиды Гиппиус, в мемуарах Нины Берберовой, в опубликованных письмах Георгия Адамовича, в книге Василия Яновского "Поля Ели-

сейские". В дружеский круг поэта входили молодые поэты и прозаики, печатавшиеся, как и он, в "Числах", "Современных записках", "Русских записках" и других эмигрантских изданиях. Он бывал на воскресных встречах в Клараре у Бердяева, общался с такими крупными французскими писателями, как Андре Мальро, Клод Авелин, Дрие ла Рошель, поддерживал отношения с крупнейшими советскими писателями. Все это говорит и о том, что Ставров представлял собой яркую, многогранную личность, с ним охотно шли на контакт самые видные деятели культуры.

Ведь не случайно он был избран председателем объединения русских писателей и поэтов Франции, причем исполнял эту должность в самые трудные военные годы. Юрий Терапиано пишет в "Новом русском слове": хотя в годы фашистской оккупации все русские общественные организации во Франции были закрыты, объединение русских писателей действовало негласно, занимаясь, в первую очередь, помощью остро нуждавшимся литераторам. В эти годы квартира Ставрова была местом конспиративных встреч писателей и поэтов, где можно было поделиться новостями, а порой и переночевать.

После войны Ставров писал для "Нового русского слова" статьи по вопросам литературы и искусства, переводил на французский рассказы Бунина, деятельно участвовал в литературной жизни русского Парижа.

— Виталий, как Вы сами оцениваете выход книги Ставрова на его родине?

— Не хочу произносить дежурные слова, но меня радует каждая публикация, в которой сохраняется не просто нормативная лексика, но родниковый русский язык, подлинная культурная традиция. К сожалению, нынешняя российская словесность занимается, в основном, профанацией литературы, и в этом не вина ее, а беда: загроможденная литературная посредственность чувствует себя хорошо прежде всего там, где нет требовательного читателя. На этом фоне творчество Перикла Ставрова современно как никогда. Оно есть достойная часть подлинной русской культуры. Его язык чист, образы рельефны, в каждом произведении — своя мысль, своя идея. Такая нравственно чистая литература актуальна и нужна всегда.

...Похоронен Перикл Ставров под Парижем, на кладбище городка Брюноа. В последние годы жизни он очень болел, но мужественно переносил и болезнь, и нужду. Тот же американский автор "Нового русского слова", Юрий Терапиано, с пониманием пишет о судьбах многих русских литераторов в парижской эмиграции: "Лишенные после войны возможности существовать на литературный заработок, в большинстве случаев уже молодые и больные люди, иногда — инвалиды, многие парижские литераторы постоянно испытывают ряд материальных и моральных трудностей. Нелегко вести борьбу за существование, довольствуясь случайным, скудным литературным заработком, временной работой или единовременной выдачей из Литературного фонда, и так — годы. Ставров тоже прошел через это испытание.. Нужно иметь большое личное мужество и сдержанность, чтобы терпеть молча. Ставров имел это мужество, долетев до конца".

Стихи поэта возвращены читателю. Это наилучший способ для потомков выразить свою благодарность поэту. Отраднее, что Одесса не забывает одесситов, при какой бы власти и в каких бы краях они ни жили. Вдвойне отраднее, что они возвращают на родину забытые имена. Возвращают Культуру.

Яков ЗУБАРЕВ.

"Новости недели", Израиль.
(Публикуется с любезного разрешения автора.)